

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Елена Петровна БАГИРОВА¹
Элина Олеговна ГАВРИКОВА²

УДК 81'367.5

НЕПРЯМАЯ КОММУНИКАЦИЯ: РЕЧЕВОЙ ЖАНР СКРЫТОЙ ПРОСЬБЫ

¹ кандидат филологических наук, доцент
кафедры русского языка и общего языкознания,
Тюменский государственный университет
bagirovaelena@mail.ru; ORCID: 0000-0003-3798-8991

² кандидат филологических наук, доцент
кафедры русского языка и общего языкознания,
Тюменский государственный университет
elina_gavrikova@mail.ru; ORCID: 0000-0002-5019-8815

Аннотация

В тексте статьи подвергаются анализу явления, сложившиеся в сфере выражения волеизъявления в современной речевой коммуникации. В частности, детально рассматриваются иллокутивные цели императивных косвенных речевых актов и способы реализации не прямой императивности на лексическом и грамматическом уровнях; описываются маркеры скрытых форм побуждения и факторы, определяющие степень побуждения; выявляются неимперативные формы побудительности.

Теоретическую основу работы составили труды Н. И. Формановской, А. Вежицкой, Дж. Сёрля, М. Я. Блоха, Г. Г. Ярмаркиной и других исследователей феномена директивных речевых актов. В статье анализируются косвенные речевые акты просьбы,

Цитирование: Багирова Е. П. Непрямая коммуникация: речевой жанр скрытой просьбы / Е. П. Багирова, Э. О. Гаврикова // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2022. Том 8. № 3 (31). С. 6-22.
DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-3-6-22

представленные в форме повествовательных и вопросительных предложений. Авторы работы устанавливают разнообразные языковые средства и модели волеизъявления, направленные на смягчение выражения просьбы. Например, среди повествовательных предложений отмечаются конструкции с лексемой *хочу*, предикативными наречиями *надо*, *нужно* и другими, среди высказываний в форме вопросительных предложений — интеррогативы с модальной частицей *правда*, конструкции с модальными глаголами *хотеть* и *мочь*, косвенные директивы, содержащие вопросительный индикатив глагола казуируемого действия с отрицательной частицей *не*, и др.

Выбор говорящим конкретного средства и формы представления просьбы сказывается на ее оценке: категоричной, нейтральной, вежливой и сверхвежливой.

Ключевые слова

Коммуникация, речевой жанр, этикетные речевые жанры, речевой акт, интенция, воздействие, косвенная просьба.

DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-3-6-22

Введение

В настоящее время в центре внимания лингвистов находится мотивы отбора и применения языковых средств в разных коммуникативных ситуациях, нередко опосредованные национально-культурными факторами. В этой связи изучение речевого феномена скрытой просьбы представляется интересным, т. к. касается актуальных вопросов национально-коммуникативного поведения личности в процессе диалогического общения. Кроме того, скрытая просьба как речевой жанр вызывает обоснованный интерес не только у лингвистов, но и у пользователей языка, поскольку обладает сниженной императивностью, позволяющей избежать явной авторитарной позиции говорящего, частично гармонизировать речевое общение и актуализировать подготавливающие тактики вежливости. Е. В. Ключев считает, что случаи подмены одного речевого акта другим становятся широко распространенными в силу «этикетного баланса» [2, с. 189], а Д. Х. Можде уточняет: имплицитные формы направлены на «реализацию правил вежливой коммуникации, которые позволяют предотвратить конфликтную ситуацию и добиться максимальной эффективности социального взаимодействия» [3, с. 181].

Актуальность исследования вытекает из вхождения данной темы в широкую лингвистическую проблематику, которая затрагивает изучение такого вида воздействия, как косвенное выражение побуждения к действию. Исследование средств выражения речевого жанра скрытой просьбы непосредственно в коммуникативном контексте способствует систематизации представлений о способах реализации не прямой императивности на лексическом и грамматическом уровнях, выявлению моделей формирования высказываний, характеристике маркеров скрытых форм побуждения.

Объектом исследования являются высказывания без императивных форм, но обладающие императивной семантикой просьбы.

Цель работы заключается в выявлении и описании языковых (морфологических, синтаксических, лексических) средств выражения имплицитного побуждения.

Материалом изучения послужили лингвистические единицы с побудительной направленностью, полученные методом сплошной выборки из художественных произведений отечественных авторов XX-XXI вв., в том числе образцы разговорного некодифицированного языка, максимально близкие к спонтанной устной речи (В. В. Набоков, К. М. Симонов, И. Грекова, О. Куваев, Б. Окуджава, Ф. Искандер, С. Д. Довлатов, В. М. Шукшин, В. Липатов, Е. С. Чижова, А. Маринина, Т. Устинова, П. Л. Проскурин, Д. Рубина, Л. Е. Улицкая, Н. Нестерова и др.). С целью уточнения интенциональной структуры отобранных реплик, их сопоставления и анализа привлекался материал из Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Для интерпретации отбирались тексты с 1900 по 2022 г. по подкорпусу художественной литературы НКРЯ.

Методы

Исследование фактического материала проводилось с опорой на дискурсивный подход, предусматривающий изучение речи в системе коммуникативных отношений. В качестве основного использовался метод интен-анализа, ориентированный на реконструкцию стоящих за речью персонажей интенций и выявление их влияния на организацию коммуникации. Интенция говорящего реконструируется посредством следующего алгоритма:

- 1) анализ единиц лексического уровня (поиск языковых маркеров мнения, оценки и т. д.);
- 2) интерпретация фразы (при нейтральных лексических средствах) и анализ пресуппозиционной информации;
- 3) исследование целостного текста или отрывка текста (макроуровень) для установления значимых для говорящего микротем, фактов выделения или редуцирования тем, уточнения подробностей, влияющих на расшифровку интенций коммуникантов.

Результаты исследования и их обсуждение

В словарях слово *просьба* толкуется следующим образом: «обращение к кому-нибудь, склоняющее кого-нибудь удовлетворить какие-нибудь нужды, исполнить какое-нибудь желание того, кто просит» [7]; «обращение к кому-либо, призывающее удовлетворить какие-либо нужды, какое-либо желание, исполнить, соблюсти что-либо» [6]. Просьба, таким образом, — это вежливое сообщение об ожиданиях адресанта. Она не требует подчинения, поэтому не может формулироваться с позиции силы (*Купи хлеба и молока, если будет время. Прошу тебя, выпей чаю со мной*). Сущность ее заключается в речевом воздействии,

при котором адресат самостоятельно принимает решение о выполнении или невыполнении каузируемого действия.

Скрытая просьба — это стратегия выстраивания высказывания, в котором опосредованно, т. е. с помощью показателей, предназначенных для маркировки других иллокутивных целей, выражается побуждение к действию. При этом установка говорящего не истекает непосредственно из высказывания (например, отсутствуют языковые маркеры просьбы), а выражается имплицитно. Цель побуждения в таких высказываниях, как уже было отмечено, реализуется с помощью показателей, исходно предназначенных для маркировки других иллокутивных намерений: *Почему, Баклаков, вы не спросите меня, зачем я вас посылаю в Кетунг?.. (= спросите меня)* (Куваев. Территория); *...Я готов был на всё, на самую отвратительную пытку, — но я должен был хоть раз ее поцеловать. «Почему вы сопротивляетесь? — лепетал я. — Что вам стоит? Для вас это маленький акт милосердия, а для меня — всё» (= разрешите вас поцеловать, вам ничего это не стоит).* (Набоков. Соглядатай).

В приведенных иллюстрациях «буквальный смысл фразы расходится с функционально-прагматическим, то есть с реальной целью высказывания: формально речь идет об одном, а фактически о другом» [9, с. 84]. Непрямое употребление языковых средств позволяет выразить дополнительное содержание высказывания, смысл которого обусловлен «фоновыми знаниями — пре-суппозицией — говорящих и условиями общения» [1, с. 7]. Таким образом, для выявления интенции говорящего при скрытой просьбе следует привлекать широкий (речевой и неречевой) контекст. Так, например, без параметров ситуации и широкого социокультурного контекста достаточно сложно распознать истинные иллокутивные цели следующих косвенных директив: *«Ты у меня... <...> ...потрясающая красавица и талантливая стряпуха»*. — «Добавки?» — спросила Лара. «Мяса и картошки», — попросил Максим... (= положи добавки) (Нестерова. Давай поженимся!).

Кроме того, восприятие сути просьбы (собственно, как и обнаружение ее в высказывании) во многом определяется субъективным восприятием интерпретатора и его языковым чутьем. В этом случае говорят о перлокутивном эффекте, которого достиг или не достиг говорящий по отношению к воспринимающему информации. В приведенном выше примере вербальная реакция адресата (*Добавки?*) убеждает в том, что речевое воздействие адресанта приводит к коммуникативному успеху. Дж. Сёрль считает, что добиться полного понимания намерений говорящего возможно только при соблюдении следующих условий:

- 1) наличия у говорящих общих языковых и внеязыковых фоновых знаний;
- 2) существования пропозиционального содержания;
- 3) искренности и разумности суждений;
- 4) способности адресата размышлять, делать адекватные умозаключения [5, с. 195-222].

В русском языке скрытая форма побуждения может быть реализована как в вопросительном предложении, так и в форме повествовательного высказывания: *В якорек умеете? Знатная игра!* (= *давайте сыграем*) (Набоков. Приглашение на казнь); *Товарищ генерал, к вам женщина просится* (= *разрешите пропустить того, кто просится*) (Симонов. Живые и мертвые); *Мне бы ключ, Капа* (= *дай ключ*) (Грекова. Вдовый пароход); *«Масло постное кончается»*. <...> *Пьют они его, что ли? На той неделе брала* (= *купи масло*) (Чижова. Время женщин).

В группе косвенных побуждений к действию, реализованных в форме повествовательных предложений, отмечаются высказывания, содержащие отрицательную оценку действий адресата. Говорящий, высказывая недовольство (раздражение, досаду), ожидает, что адресат скорректирует свои действия: *Ты, Буруз, своим сельским фольклором достал уже всех!* (= *перестань так говорить*) (Моторов. Преступление против Паровозова); *Ты замучил меня разговорами* (= *перестань разговаривать, дай мне отдохнуть*) (Геласимов. Год обмана); *Мне надоели твои вопросы. И закрыла уши руками* (= *перестань задавать вопросы*) (Геласимов. Жанна).

Продуктивна в русском языке форма косвенной манипуляции, реализованная в высказываниях, выражающих значение желания: *Мне бы спичек. Не были бы Вы так любезны? Не найдется ли у Вас случайно?* (= *дайте спичек*) (Барскова. Живые картины); *Мне бы деньги получить, аванс на Антонину...* (= *выдайте деньги*) (Чижова. Время женщин).

Побудительным тактикам часто сопутствуют поясняющие, объясняющие причины запроса: *Мне бы только шапку-ушанку, и я не выглядел бы таким жалким* (Окуджава. Будь здоров, Школяр). Описываемые типы речевых актов интересны тем, что адресат для достижения положительного результата взаимодействия избирает вербальную тактику демонстрации слабости, беспомощности, зависимости: *«Мне бы вот этот участочек»*, — *кто-то из учителей тычет пальцем в план. «Вам ведь уже выделили»*, — *говорит Мария Филипповна, и губы ее белеют* (Окуджава. Картошка); *«Мне бы букетик какой-нибудь не очень дорогой. Рублей за двести...»* *Ему предлагали что-то невнятное, вялое в бумаге, стилизованной под газету* (Егельский. Человек с фигурой контрабаса). Об успешности восприятия имплицитного смысла адресантом свидетельствует реакция, сопровождаемая его вербальным поведением: *«Мне бы денег, — невнятно сказал он. — На лечение». «Конечно!»* — *я очень обрадовался... и торопливо начал шарить по карманам...* (Жвалевский, Пастернак. Время всегда хорошее); *«Рассольцу мне бы...» Аграфена зачерпнула из кадушки с капустой кружку рассола и подала Тихону...* (Мусатов. Земля молодая).

Нередко для выражения косвенной просьбы используются конструкции с глаголом в сослагательном наклонении и личным местоимением 2-го л. ед. ч.: *Ты бы к церкви подъехал* (Волох. Недвижимость); *Ты бы посидел еще полчаса на всякий случай* (Пелевин. Желтая стрела); *Слушай, Володька, шел бы ты, а? Уйди, прошу...* (Белюсова. Второй выстрел). Данный тип речевого акта пред-

ставляет собой мягкую просьбу и маркирует неформальные (а в некоторых случаях и фамильярные) отношения участников коммуникации.

Несобственно-повествовательные предложения используются в русском языке для выражения разных видов просьбы, например:

- 1) просьбы, граничащей с запретом: «**И нечего на меня пялиться**», — *ворчит она, не оборачиваясь* (= не смотри) (Зайончковский. Счастье возможно: роман нашего времени); **И нечего на меня смотреть, как кролик на удава, не разжалобишь** (= не смотри на меня так) (Маринина. Не мешайте палачу);
- 2) просьбы-предупреждения: **Эх, хоть бы вы в это не лезли...** (= не лезьте в это) (Симонов. Живые и мертвые); **Зря ты отказываешься, хабиби! Я раскрыл бы тебе все секреты Шехерезады...** (= не отказывайся) (Александрова. Последний ученик да Винчи); **Вы бы лучше не ходили в кузню при такой жаре** (= не ходите в кузню) (Липатов. Деревенский детектив);
- 3) просьбы-требования: «**Мне нужны координаты Григория Ганина. Срочно**», — *сказала Катя* (= дай координаты) (Тренина. Никогда не говори «навсегда»);
- 4) просьбы-совета: **Все нормальные люди по такому поводу обращаются к своему психотерапевту** (= обратись к психотерапевту) (Зеленина. Куриная Слепота и ее обитательницы);
- 5) просьбы-предложения: **Я вас больше не задерживаю, господин Стасов** (= идите) (Маринина. Черный список); **Слушаю вас, капитан** (= говорите) (Иличевский. Перс);
- 6) просьба-напоминание: **Отец Михаил, не забудьте принести свечи** (= принесите) (Шляпентох. Конец Истории: благословенный Иов); **Не забудьте взять с собой сменную обувь** (= возьмите с собой) (Ефремова. Забракoванный патриот) и др.

Надо сказать, что при косвенном речевом акте просьбы параллельно используются вербальные и невербальные знаки. Последние всегда уточняют вид просьбы и истинные намерения говорящего: «*Прошу вас*». **Продавищица сделала приглашающий жест рукой и провела нас к стойке с платьями...** (Маринина. Черный список); «*Я вас больше не задерживаю, господа...*» <...> **Он показал руками на дверь, и два босса охраны «Оферта-банка» вышли из квартиры** (Макеев, Леонов. Эхо дефолта).

В качестве речевого акта с интенцией просьбы могут выступать различные вопросительные высказывания с вопросительными словами и без них, которые в зависимости от интонации или окружающего контекста воспринимаются как побудительные конструкции: **Таня, почему ты ничего не расскажешь о себе? Почему бы тебе не рассказать сейчас о себе?** (= расскажи о себе) (Шапко. Кошка, пущенная через порог); **Сзади его робко спрашивают: «Мужчина, вы сейчас выходите?»** (= пропустите, разрешите выйти) (Хайт. Монологи,

миниатюры, воспоминания); *Разбудила неспящего меня: «Ваш билетик?»* — *«Так проверяли ведь уже. Я вот его выкинул, сейчас поищу»* (= покажите билетик) (Пермяков. Темная сторона света). Вопросы-просьбы могут использоваться в разных ситуациях речи и произноситься с разной интонацией (ситуация заискивающей просьбы, мольбы, утешения, требования, уговора, шуточной просьбы): *Да черт тебя возьми, сукин ты сын, куда тебя несет? Что ты бешишься?* (= возьми себя в руки) (Устинова. Большое зло и мелкие пакости); *Есть мы сегодня будем? Кто как, а я отчаянно проголодался* (= покормите меня, я проголодался) (Дубов. На краю земли); *И вдруг перейдя на громкий шепот: «Да зачем же ты, братишка, меня одну-то оставля-а-ешь...»* (= не оставляй меня одну) (Буянов. Про Аглаю Гуслякову); *Ты что? Не надо. Зачем же плакать? У нас ведь уже всё есть, даже имя сыну, даже то, чего никогда не будет...* (= не плачь, успокойся) (Проскурин. Черные птицы).

Непрямую форму просьбы усматриваем в интеррогативных высказываниях с модальной частицей *правда*: *Сейчас еще тепло, правда?* (Чижова. Лавра); *Не пять звезд, конечно. Но нам ведь и так хорошо, правда?* (Ульянов. Инопланетяне); *Ну и как вам схема? Гениально, не правда ли?* (Зосимкина. Ты проснешься). Побудительная интенция здесь реализуется в имплицатуре, которую должен вывести адресат. Речевой акт построен таким образом, чтобы говорящий в ответной реплике услышал подтверждение своего мнения (= скажи, что это действительно так; подтверди, что ты думаешь то же самое): *«Не пять звезд, конечно. Но нам ведь и так хорошо, правда?» Я обнял ее. — «Правда»* (Ульянов. Инопланетяне).

Высокой частотностью в русском языке обладают вопросительные конструкции с модальным глаголом *мочь*. Как правило, это вопрос, уточняющий возможности собеседника, обладающий целью каузировать определенное действие: *«Ты можешь мне предложить что-то повеселей?»* — рассеянно отозвался Бритоголовый (= предложи что-то повеселее) (Улицкая. Казус Кукоцкого); *Вы можете приехать немедленно? Я оплачу любой транспорт* (= приезжайте, не теряя времени, прямо сейчас) (Рубина. Белая голубка Кордовы); *«А вы можете меня проводить?»* — попросила женщина (= проводите меня) (Трауб. Плохая мать); *Ты сказала, что в предыдущей главе... Ты могла бы ее рассказать? Всю* (= расскажи предыдущую главу) (Вишневецкая. Вышел месяц из тумана). Форма сослагательного наклонения модального глагола в подобных конструкциях используется для смягчения категоричности запроса: *Ты мог бы не употреблять уничижительных характеристик в отношении моего будущего мужа?* (Нестерова. Давай поженимся!). В приведенном речевом акте говорящий просит прекратить действие, которое партнер уже совершает. И избранные им не прямые средства воздействия воспринимаются как антиконфликтные по сравнению с прямым побудительным речевым актом (= не употребляй).

Иногда косвенный речевой акт просьбы оформляется в виде вопросительного высказывания с модальным предикативом *можно* и инфинитивом: *Он подошел к Эвелине и спросил: «Можно сделать потише?»* (= сделай потише)

(Месяц. Лечение электричеством); «*А можно не свистеть?*» — *Нину опять начало тошнить* (= не свисти) (Трауб. Не вся La vie); «*Ты можешь не выть?*» — *спросил я. — Говори по-человечески* (= прошу говорить внятно) (Волос. Недвижимость). Реальная цель запроса в таких конструкциях расходится с буквальным смыслом фразы, в которой реализуется два намерения: одно — прямое (вопрос о способностях собеседника осуществить действие) и второе — косвенное (просьба о выполнении действия), выводимое получателем информации из контекста на основании его коммуникативной компетенции.

Отступление от прямолинейности запроса обнаруживается при несобственно-вопросительном употреблении интеррогативных конструкций с модальным предикативом *можно* и существительным: «*Можно воды?*» — *попросил он, и Соня, пожав плечами, пошла на кухню* (= дайте воды) (Таранов. Мстители); «*Свечки можно?*» — «*Какие?*» (= дайте свечки) (Дергачёва. Монологи); «*Можно мне кофе с кофеином?*» (= угостите меня кофе с кофеином) (Соломатина. Сони́на Америка); «*Можно Алексея?*» — *сказал я, стараясь не кричать...* (= позовите Алексея) (Геласимов. Ты можешь). Нередко в речевых актах просьбы о разрешении для актуализации вежливых отношений между собеседниками и снижения категоричности высказывания используются диминутивы: «*Можно водички*», — *прошелестел Олег пересохшими губами...* (Мясников. Водка); «*А можно и мне билетик?*» (Поступинский. Бог). Диминутивные формы позволяют не только реализовать тактику смягчения просьбы, но и подчеркнуть эмотивно-экспрессивные нюансы межличностных взаимоотношений, ориентированных на неагрессивное общение.

Распространены в русском языке косвенные директивы, содержащие вопросительный индикатив глагола каузируемого действия с отрицательной частицей *не*. Они могут выглядеть либо как вопрос-просьба высказать мысль о чем-нибудь: «*Вы не знаете ничего нового о Геннадии Николаевиче?*» (= расскажите, что знаете) (Симонов. Живые и мертвые); «*Ты не скажешь, когда мы там будем?*» (= скажи, когда мы там будем) (Барнет. Хор в законе), либо как завуалированное побуждение к конкретному действию: «*Ты не подашь мне таблетку?*» (= подай мне таблетку) (Сухов. Последний в черном списке); «*Мама, а ты не хочешь позвонить своей подруге?*» (= позвони подруге) (Нестерова. Давай поженимся!); «*Извините за наглость, но не позволите ли прикорнуть на пару часиков?*» (= разрешите прикорнуть на пару часиков) (Нестерова. Давай поженимся!).

В некоторых случаях директивная форма речевого акта реализуется в интеррогативных высказываниях типа: «*У тебя нет водички, командир?*» (Кузнецов. Часовой); «*Емкость у тебя найдется?*» (Довлатов. Компромисс). Объект косвенной просьбы в анализируемых конструкциях может быть выражен не только существительным, но и инфинитивом: «*Выпить есть?*» — «*Нет*» (Слапковский. День денег); «*У вас поесть найдется?*» (Проскурин. Исход). Высказывания, уточняющие наличие какого-либо предмета, являются, по сути, результатом компрессии, использование которой продиктовано не только стремлением

к экономии речевых усилий (*если есть, то...*), но и желанием замаскировать прямую каузацию и непосредственное воздействие говорящего на слушающего: *У тебя найдется кусок хлеба, Павел Семёнович?* (Проскурин. Судьба); *У тебя есть пять минут, Володя?* (Белоусова. Второй выстрел). Говорящий не нуждается в речевой реакции со стороны адресата на подобный вопрос, а заинтересован лишь в правильности интерпретации имплицитной информации, которая должна сопровождаться ответным действием: *«Тапочки у тебя есть?»* — *Маша топталась на коврике у двери. <...> «Подожди, щас поищем».* *Залез в тумбочку для обуви... «Вот, померяй, от девушки одной остались»* (Клепаков. Опекун); *«Гриша, а выпить у тебя найдется?» <...> Порядов достал коньяк. Налил по рюмке и сам с удовольствием выпил* (Корнешов. Газета). Правильности интерпретации имплицитной информации способствуют подготавливающие тактики. Так, конструкциям, уточняющим наличие какого-либо предмета, могут предшествовать вербальные маркеры, подготавливающие ситуацию просьбы: *«Слушай, у меня к тебе просьба, — Хапа положил на прилавок пятитысячную, — рыбки разной, икорки свежей малосольной... черной-то нет здесь?» (= продай)* (Ремизов. Воля вольная).

Встречаются в русском языке вопросительные конструкции типа: *Чаю нет?* *Я бы выпил* (Куваев. Территория); *Молоко есть? Плесни немного* (Чижова. Время женщин). Высказывания интересны тем, что реализуют два плана выражения просьбы. В инициальной реплике говорящий уточняет запрашиваемую информацию (*есть/нет*), а потом сообщает просьбу напрямую (*Плесни немного*) или в завуалированной форме (*Я бы выпил*). Формулировка скрытой просьбы может совмещать вопрос-уточнение о возможностях адресанта (конвенциональный косвенный способ выражения просьбы [8, с. 6]) и имплицитное указание на причину запроса: *А чаю еще заварить? Во рту Сахара и Каракумы* (Нестерова. Давай поженимся!); *Кстати, Яков, нельзя ли по рюмке? В горле сухо, как в Сахаре* (Корнешов. Газета). В ситуации подготовленной просьбы, таким образом, мотивационно-целевая сущность высказывания обусловлена прагматической и логической пресуппозицией.

Скрытое побуждение к действию, отступление от прямолинейности императива обнаруживается в конструкциях следующего типа: *Господи, ты когда-нибудь глянешь на эту землю?! (= посмотри)* (Ремезов. Вольному воля); *Где моя валерьянка? Мне дадут, наконец, умереть спокойно? (= не мешайте мне, отстаньте от меня)* (Нестерова. Неподходящий жених); *Господи, когда мне дадут выспаться? (= дайте поспать)* (Рекемчук. Мальчики). Данные речевые акты в некоторой степени близки к риторическим обращениям, поскольку запрос не требует ответа. Он формулируется в первую очередь для привлечения внимания, а также выражения отношения к ситуации, ее оценке. Говорящему важно не получить информацию о положении дел, а, выразив эмоцию (нетерпение, раздражение, недовольство, возмущение), воздействовать на адресата, добиться от него желаемого ответного действия.

Не требуют ответа вопросительные конструкции с факультативной альтернативной частью *или нет*: *Да замолчишь ты когда-нибудь или нет?* (Искандер. Сандро из Чегема); *Дед, да образумишься ты или нет?* (Тахтамышев. Айкара); *Отстанешь ты или нет?* (Корецкий. На околонаучной параболе). По сути, конструкции представляют собой эмоциональную реакцию говорящего на не удовлетворяющую его ситуацию с целью ее изменения. Высказывание, несмотря на категоричность, не является навязыванием воли слушающему, а скорее предложением права выбора: выполнять или не выполнять предписываемое действие.

В риторических конструкциях также можно обнаружить ослабление иллюквативной интенции просьбы, приводящее к реализации стратегии дистанцирования и смягчению декларативности тона: *Интересно, мне вообще кто-нибудь объяснит, что произошло?* (= *объясните мне, что произошло*) (Моторов. Преступление доктора Паровозова); *«Типично мужская манера избегать переживаний, — попеняла Лара. — „Пусть у меня больше не будет собачки. Потому что она умрет на моей памяти, и я буду очень страдать. <...>“» — «Кто-то катит на меня бочку?»* (= *не наговаривай на меня*) (Нестерова. Давай поженимся!). К дистанцированию, а также смягчению декларативности просьбы приводит и реализованная в высказывании стратегия обезличивания адресата: *Ответит мне кто-нибудь или нет?* (= *дайте мне ответ*) (Есин. Маркиз Астольф де Кюстин. Почта духов, или Россия в 2007 г.).

По мнению Е. В. Падучевой [4], на степень вежливости запроса может влиять форма глагола. Например, глагол в сослагательном наклонении, использованный в вопросительной конструкции с интенцией просьбы, позволяет сформировать более мягкую форму побуждения. Сравним две конструкции: *Не могли бы вы подойти сюда на минутку?* и *Вы можете подойти сюда на минутку?* Кажется бы, оба вопроса-уточнения побуждают собеседника к одному и тому же действию, но в первом случае скрытая директива воспринимается как более вежливая форма побуждения (даже подчеркнуто вежливая), поскольку модальный глагол выражен в сослагательном наклонении. Снижению директивности способствует и наличие в конструкции частицы *не*: *Лидочка, не могли бы вы мне кефир принести и булочку калорийную?* (Трауб. Замочная скважина); *«Не могли бы вы покинуть это помещение», — вмешался в разговор директор оркестра* (Селиверстов. 12 с половиной, или Моя жизнь в чистом искусстве). Подобные просьбы-вопросы о возможностях адресата (*не могли бы вы...*) направлены, прежде всего, на реализацию правил корректной коммуникации, что позволяет избежать агрессивного императивного тона и тем самым добиться максимальной эффективности социального взаимодействия. Кроме того, использование вопросительных предложений в функции имплицитного волеизъявления продиктовано принципом вежливости, формально дающим реципиенту возможность отказаться от выполнения запрашиваемого действия, предоставляя тем самым большую свободу реагирования в отличие от открытой вербальной формы просьбы, которая всегда

прямолинейна. Скрытая просьба, выраженная в вопросе, априори предполагает как отрицательный, так и положительный ответ, а значит, и возможность выбора: *Не могли бы вы показать мне вашу лабораторию?* (Вайнер, Вайнер. Лекарство против страха) (возможные ответы: *Да, конечно, покажу / Нет, не покажу. У меня нет времени для этого*). В данном случае наблюдаем яркий пример вежливости дистанцирования, при которой признается независимость адресата, отсутствие намерений со стороны говорящего сблизиться и нарушить существующие границы между собеседниками.

Таким образом, условное наклонение, вторгаясь в сферу императива, позволяет передавать побудительные интенции без категоричного предписания. Побуждение к действию в подобных конструкциях носит разный характер и выводится получателем текста благодаря его коммуникативной компетенции:

- 1) пожелание: **Неплохо бы тебе самому съездить на завод...** (Николаева. Битва в пути); **Было бы неплохо, если бы ты объяснил, куда мы приехали** (Макеев. Гроссмейстер сыска);
- 2) просьба: **Могли бы вы не курить в гостиной?** (Личутин. Любостай); **Вы можете выразиться конкретнее?** (Леонов. Лекарство от жизни);
- 3) предложение прекратить то или иное действие: **Да помолчал бы ты, Никиша! Вечно пугаешь новеньких** (Шапко. Бич); **А ты нашелся защитник, засранный адвокат нашелся — молчал бы уж!** (Залыгин. Однофамильцы); **На твоём месте я бы не очень верил всем этим разговорам** (Сухов. Делу конец — сроку начало).

Среди вопросительных конструкций, транспонированных в область императивности, с категорией вежливости связаны вопросы с глаголом в форме будущего совершенного и частицей *ли*: **Не купишь ли ты мне еще красок?** (Голышкин. Рисунки на асфальте); **Не осветите ли вы нам сначала ваше детство и юность...** (Герман. Дорогой мой человек). Употребление будущего совершенного с отрицанием типично для вежливой просьбы: **Вы не сможете надеть мне пальто?** (Геласимов. Рахиль); **Вы не скажете, где Наденька?** (Житинский. Лестница); однако отрицательная форма вопроса и частица *ли* позволяет подчеркнуть деликатность говорящего в выражении просьбы, возможно, некоторую его нерешительность: **«Не скажете ли вы, — повторил я, прочистив горло, — где мы едем?»** (Хаханов. Дорога); **Не дашь ли мне попить?** (Доценко. Тридцатого уничтожить). Вместо личной формы глагола в вопросе с отрицанием может использоваться инфинитив: **А не вернуться ли тебе?** (Сухов. Делу конец — сроку начало); **А не попринимать ли тебе, отец, слабительное?** (Залыгин. Предисловие). Подобный псевдovoпрос будет восприниматься как функциональный эквивалент императива только в случае наличия местоимения, указывающего на исполнителя каузируемого действия (ср.: **Не позвонить ли тебе в полицию?** и **Не позвонить ли в полицию?**).

Эффективными для достижения коммуникативной цели являются вопросительные конструкции с частицей *ли* и предикативным наречием *нельзя*: **Вошли, осмотрелись по сторонам, не обращая внимания на сурово насупленное чело**

пенсионера в форме... и очень вежливо, просто идеально вежливо поинтересовались, нельзя ли им пройти в кабинет директора, потому что их ждут, а если пройти можно, то нельзя ли получить разъяснения, где вышеназванный кабинет находится (Зосимкина. Ты проснешься); Василий Семёнович, а нельзя ли узнать причину запроса? (Таранов. Мстители); А нельзя ли Верочку перевести в палату поменьше? (Чулаки. Прощай. Зеленая Пряжка); А нельзя ли вот этот кусочек... (Евтушенко. Ягодные места). Приведенные образцы устных дискурсов — некатегоричный тип волеизъявления, направленный на поддержание доброжелательной тональности общения. Диминутивы в анализируемых конструкциях не только маркируют ситуацию непринужденного общения, общения без чинов и возраста, но и реализуют стратегию скромности: А нельзя ли просто водички из-под крана, сынок? (Евтушенко. Ягодные места); Нельзя ли столиков пяточок вынести из комнаты? (Мариенгоф. Роман без вранья); Нельзя ли котика в твоём дворце оставить? (Яхонтова. Смятение). Кроме того, в представленных фрагментах речи диминутивы со значением уменьшительности или объективной «малости» намекают на незначительность и маловажность просьбы (= прошу всего ничего, водички из-под крана и т. д.), которую не составит труда выполнить.

Интеррогативы с предикативным наречием нельзя могут передавать и категоричное волеизъявление: «Нельзя ли без советов?» — сухо поинтересовалась она и вдруг сорвалась на крик (Безладнова. Такая женщина); Нельзя ли потише с вашими интимными откровениями? (Данилюк. Рублевая зона). Как правило, волеизъявление в подобных речевых актах выходит за пределы вопросительного предложения, образуя тем самым поясняющий контекст, нередко маскирующий нетерпимость, раздражительность и сдержанный гнев говорящего: Товарищ! Нельзя ли отпустить побыстрее? Вы же знаете — люди торопятся (Панова. Времена года. Из летописей города Энска). Таким образом, трактовка косвенного волеизъявления как категоричного или некатегоричного зависит от соответствующей логической и конкретно ситуативной пресуппозиции, ситуативных знаний, воспринимающих сообщение.

В рамках стратегии вежливости активно используются конструкции с инфинитивом и частицей бы: Я ему говорю: «Вам бы лучше уехать, Михаил Андреевич...» — а он мне: «Зачем мне ехать?» (Окуджава. Новенький как с иголки); «Вам бы лед приложить к вашему оку», — засуетился врач (Черных. Слабые, сильные); «Тебе бы замки поменять», — предложила Таня... (Устинова. Подруга особого назначения). Подобный вариант побуждения, на наш взгляд, является максимально вежливым и скорее близок к совету или дружескому предложению, чем к прямой каузации.

Косвенные директивы могут опосредованно характеризовать говорящего, акцентировать внимание на каких-либо чертах его характера или особенностях воспитания. Сравним примеры скрытого волеизъявления в следующих высказываниях:

- 1) *Дверь открывается легко, тапочки сбросил, ботинки надел и — гуд бай! Вино не забудь... (= уходи, проваливай)* (Нестерова. Давай поженимся!);

2) *Не желаете ли вы нужным провести шурфовку вверх?* (= *сделайте шурфовку вверх*) (Куваев. Территория).

Вариант косвенного побуждения к действию в первом речевом акте характеризует говорящего как человека саркастичного и весьма агрессивно настроенного по отношению к слушающему, глубоко оскорбленного, желающего за имплицитной формой просьбы-требования скрыть свое сильное возмущение и досаду. Второй пример речевого акта просьбы позволяет говорить об адресанте как о личности, которой известны принципы дипломатичности и вежливости. Говорящий имеет представление о том, что среди давно знакомых (но не равных ему по статусу) людей (старые друзья-геологи) приказ лучше отдавать не в директивной форме, а в вежливой, которая позволяет избежать некомфортных в сложившейся ситуации отношений «начальник — подчиненный». Кроме того, скрытая форма волеизъявления позволяет показать реципиенту, что адресант готов к совместному обсуждению важного технического вопроса и принятию иной точки зрения.

Выводы

1. В современной лингвокультуре представлены разнообразные образцы речевого жанра имплицитной просьбы:
 - просьбы, граничащей с запретом;
 - просьбы-предупреждения;
 - просьбы-требования;
 - просьбы-рекомендации;
 - просьбы-напоминания и т. д.
2. Независимо от ситуации говорения скрытая просьба всегда выражается в неявном виде и извлекается воспринимающим в ходе интерпретации сообщения с опорой на контекст, который включает предтекстовую ситуацию, знания о мире, культурные и языковые коды, представления о намерениях адресанта и т. д. Выбор формы имплицитной просьбы и вариант ее использования зависит от цели общения и отношений между коммуникантами.
3. В русском языке имплицитная императивность может быть реализована как в вопросительном предложении, так и в форме повествовательного высказывания. Иллокутивный эффект подобных конструкций не определяется значением самого высказывания, а обуславливается фоновыми знаниями (пресуппозицией) говорящих и сложившимися условиями общения.
4. К частотным формам имплицитного побуждения к действию относятся конструкции, построенные по следующим моделям вопросительных предложений:
 - интеррогативные высказывания с модальной частицей *правда* (*Гениально, не правда ли?*);

- вопросительные конструкции с модальным глаголом *мочь* (*Можете приехать немедленно?*);
 - вопросительное высказывание с модальным предикативом *можно* (конструкции *можно* + инф., *можно* + сущ.) (*Можно не мешать? Можно водички?*);
 - вопросительный индикатив глагола каузируемого действия с отрицательной частицей *не* (*Вы не поможете?*);
 - вопрос о наличии или отсутствии у адресата объекта просьбы (*Ручки не найдется?*);
 - конструкции с частицей *ли* и предикативным наречием *нельзя* (*Нельзя ли узнать?*);
 - вопросительные конструкции с факультативной альтернативной частью *или нет* (*Да замолчишь ты или нет?*).
5. В группе косвенных побуждений, реализованных в форме повествовательных предложений, выделяем:
- высказывания, содержащие отрицательную оценку действий адресата, ориентированную на их корректировку (*мне надоело слушать...*);
 - косвенная манипуляция, реализованная в высказываниях, выражающих значение желания (*мне бы...*);
 - конструкции со спрягаемой формой глагола в сослагательном наклонении (*ты бы съел...*);
 - конструкции с инфинитивом и частицей *бы* (*ты бы посидел...*).
6. Адекватной интерпретации имплицитной просьбы способствуют вербальные маркеры, подготавливающие ситуацию просьбы, и невербальные знаки, уточняющие вид просьбы и истинные намерения говорящего.
7. Непрямые формы побуждения к действию, в отличие от прямых императивных, обеспечивают благоприятную атмосферу коммуникации и позволяют добиться максимальной эффективности социального взаимодействия, поскольку не воспринимаются как чересчур навязчивые и категоричные.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гак В. Г. Прагматика, узус и грамматика речи / В. Г. Гак // Иностранные языки в школе. 1982. № 5. С. 7-11.
2. Клюев Е. В. Речевая коммуникация: успешность речевого воздействия / Е. В. Клюев. М.: РИПОЛ Классик, 2002. 316 с.
3. Можде Д. Х. Просьба современной русской речи в не прямой форме / Д. Х. Можде // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2014. № 3. С. 175-183.

4. Падучева Е. В. Семантические исследования: семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива / Е. В. Падучева. 2-е изд., испр. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2011. 480 с.
5. Сёрль Дж. Р. Косвенные речевые акты / Дж. Р. Сёрль // Новое в зарубежной лингвистике. № 17: Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 195-222.
6. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой; РАН, Институт лингвистических исследований. 4-е изд., стер. М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999. Том 1. А-Й. 702 с.; Том 2. К-О. 736 с.; Том 3. П-Р. 750 с.; Том 4. С-Я. 797 с.
7. Толковый словарь современного русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Аделант, 2014. 800 с.
8. Формановская Н. И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения / Н. И. Формановская. М.: Ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина, 1998. 291 с.
9. Ширяев Е. Н. Структура интенционального диалога в разговорном языке / Е. Н. Ширяев // Активные языковые процессы конца XX в.: тез. докл. междунар. конф. «Четвертые Шмелёвские чтения» (23-25 февраля, Москва, Россия). 2000. С. 84.

Elena P. BAGIROVA¹
Elina O. GAVRIKOVA²

UDC 81'367.5

INDIRECT SPEECH ACTS OF MODERN COMMUNICATION: SPEECH GENRE OF HIDDEN REQUEST

¹ Cand. Sci. (Philol.), Associate Professor,
Department of Russian Language and General Linguistics,
University of Tyumen
bagirovaelena@mail.ru; ORCID: 0000-0003-3798-8991

² Cand. Sci. (Philol.), Associate Professor,
Department of Russian Language and General Linguistics,
University of Tyumen
elina_gavrikova@mail.ru; ORCID: 0000-0002-5019-8815

Abstract

This article analyzes the phenomena that have developed in the field of expressing will in contemporary speech communication. Namely, the illocutionary goals of imperative indirect speech and ways of implementing indirect imperativeness at the lexical and grammatical levels. Additionally, the authors describe markers of hidden forms of motivation and factors, which determine the degree of motivation, and reveal non-imperative forms of motivation.

The theoretical basis of the work includes the works by N. I. Formanovskaya, A. Vezhbit-skaya, J. Searle, M. Ya. Blokh, G. G. Yarmarkina and other researchers of the phenomenon of directive speech acts. The article analyzes request forms in indirect speech presented as declarative and interrogative sentences. The authors establish that communicative acts expressing will are implemented by a variety of linguistic means and models aimed at softening the expression of a request. For example, among declarative sentences, there are constructions with the lexeme *хочу* (“I want”), predicative adverbs *надо* (“need”), *нужно* (“necessary”), etc.; among interrogative sentences — interrogatives with the modal part

Citation: Bagirova E. P., Gavrikova E. O. 2022. “Indirect speech acts of modern communication: speech genre of hidden request”. Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 8, no. 3 (31), pp. 6-22.
DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-3-6-22

правда (“truth”), modal constructions with *хотеть* (“want”) and *мочь* (“to be able”), indirect directives containing the interrogative indicative of the verb of the causal action with the negative particle *не* (“not”).

A speaker’s choice of a specific means and form of request affects its assessment as categorical, neutral, polite and over-polite.

Keywords

Communication, speech genre, etiquette speech genres, speech act, intention, impact, indirect request.

DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-3-6-22

REFERENCES

1. Gak V. G. 1982. “Pragmatics, usage and grammar of speech”. *Foreign Languages at School*, no. 5, pp. 7-11. [In Russian]
2. Klyuev E. V. 2002. *Speech Communication: The Success of Speech Interaction*. Moscow: RIPOL Classic. 316 pp. [In Russian]
3. Mozhdе D. Kh. 2014. “The request of modern Russian speech in an indirect form”. *Bulletin of the Peoples’ Friendship University of Russia. Series: Theory of Language. Semiotics. Semantics*, no. 3, pp. 175-183. [In Russian]
4. Paducheva E. V. 2011. *Semantic Studies: Semantics of Time and Aspect in the Russian Language. The Semantics of Narrative*. 2nd edition, revised. Moscow: Languages of Slavic Culture. 480 pp. [In Russian]
5. Searle J. R. 1986. “Indirect speech acts”. In: *New in Foreign Linguistics*, no. 17: *Theory of Speech Acts*, pp. 195-222. Moscow: Progress. [In Russian]
6. Evgenieva A. P. (ed.). 1999. *Dictionary of the Russian Language in 4 vols*. 4th edition. Vol. 1. A-Y. 702 pp.; Vol. 2. K-O. 736 pp.; Vol. 3. P-R. 750 pp.; Vol. 4. S-Ya. 797 pp. Moscow: Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistic Research; Russian Language; Polygraphresources. [In Russian]
7. Ushakov D. N. (ed.). 2014. *Explanatory Dictionary of the Modern Russian Language*. Moscow: Adelant. 800 pp. [In Russian]
8. Formanovskaya N. I. 1998. *Communicative-Pragmatic Aspects of Units of Communication*. Moscow. 291 pp. [In Russian]
9. Shiryaev E. N. 2000. “The structure of intentional dialogue in spoken language”. *Active Language Processes at the End of the 20th Century: Abstracts of the International Conference of the 4th Shmelyov Readings (23-25 February, Moscow, Russia)*, p. 84. [In Russian]